
**КОМИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ «ДЯДЮШКИН СОН»:
БАРНАУЛЬСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО¹**

Е.Ю. Сафронова

Ключевые слова: Достоевский, М.Д. Исаева, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Барнаул, «Дядюшкин сон», автопародия.

Keywords: Dostoyevsky, M.D. Isaeva, P.P. Semenov-Tian-Shangsky, Barnaul, *Uncle's dream*, self-parody.

DOI 10.14258/filichel(2018)3-11

Традиционно имя Достоевского связывается с Санкт-Петербургом, хотя этапами его биографии волею судьбы оказались и небольшие

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 17-14-22003 «Сибирь Ф.М. Достоевского: семиотика пространства и нарративные стратегии» по региональному конкурсу «Российское могущество прирастать будет Сибирью и ледовитым океаном».

сибирские города, среди которых Барнаул принадлежит особое место. Автор «Бедных людей» бывал в Барнауле проездом трижды (если учитывать остановки туда и обратно, то можно говорить о шести посещениях): в июне 1856 года, в ноябре 1856 года и в конце января – начале февраля 1857 года по пути в Кузнецк, где жила его возлюбленная Марья Дмитриевна Исаева, ставшая его первой женой.

В эпистолярном наследии русского классика Барнаул занимает далеко не последнее место, напротив, Достоевский мечтает жить в Барнауле¹. В письмах он упоминается 45 раз, хотя писатель провел в городе в сумме не более полумесяца (ср. за пятилетнюю службу в Семипалатинске этот город упоминается в письмах разным адресатам всего 70 раз, учитывая, что по этикетным нормам начало письма предполагает называние места). Семипалатинск оценивается однозначно негативно как «самый дорогой городишка в мире» (письмо от 3 ноября 1857 года брату Михаилу (28-1;290²)); как место мучения: «живу в Семипалатинске, который надоел мне смертельно; жизнь в нем болезненно мучит меня. Не могу Вам за краткостью всего объяснить» (письмо Е.И. Якушкину от 12 декабря 1858 года (28-1; 317)), в письме А.Е. Врангелю от 22 сентября 1859 года пишет, что в Семипалатинске «не осталось ни одной симпатической личности, ни одного светлого воспоминания» (28-1; 337). Негативно характеризует место жительства писателя как скучного города и А.Е. Врангель: «развлечений в Семипалатинске не было никаких. Газеты в нем получали человек 10-15» [Врангель, 1990, с. 350]. Сами жители города называли его Семипроклятинском. На фоне амбивалентной либо чаще негативной характеристики других сибирских городов Барнаул выделяется особо как пространство надежд, культуры, свободы, будит в истосковавшемся сердце писателя воспоминания о Северной столице. Именно в Барнауле Достоевский мог раскрыться в лучших своих ипостасях писателя, влюбленного, жениха.

Достоевский в письмах шесть раз обращался к прокурору округа барону А.Е. Врангелю с просьбой о переводе на статскую службу в Барнаул: «похлопочите о моем переводе в Барнаул в статскую службу. Это самый *близкий* и самый *верный* шаг для меня» (28-1; 230). Настойчивые и многократные просьбы похлопотать о переезде в Барнаул объясняются тем, что, во-первых, через Барнаул лежал путь в Кузнецк, где жила возлюбленная, а затем первая жена, Мария

¹ См. об этом нашу статью: [Сафронова, 2015].

² Здесь и далее текст произведений и писем цитируется по изданию: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30-и тт. Л., 1972-1990 с указанием тома, полутома и страницы в круглых скобках.

Дмитриевна Исаева; во-вторых, Барнаул имел славу интеллигентного культурного города.

Барнаул в середине XIX века и в экономическом, и в культурном отношении был одним из ведущих городов Сибири. Этому способствовала довольно развитая горнозаводская промышленность Колывано-Воскресенских заводов, административным центром которых являлся Барнаул. Здесь возник первый в Сибири музей, основанный в 1823 году. В городе существовал любительский театр, хор и картинная галерея, окружное училище. При сереброплавильном заводе была открыта публичная библиотека. Еще в XVIII веке в Барнауле появилась аптека – одна из самых первых аптек в России. Все это и дало основание П.П. Семенову (позднее прибавившему вторую часть фамилии Тянь-Шанский) назвать Барнаул «сибирскими Афинами».

Несмотря на утверждение В.Я. Кирпотина о том, что «в сибирском периоде биографии Достоевского таятся ключи для объяснения многих особенностей его дальнейшего развития и творчества с их разительными противоречиями» [Кирпотин, 1959, с. 211], тема «Достоевский и Сибирь» остается недостаточно разработанной, а барнаульский аспект практически не изучен¹.

Первым сибирским произведением писателя, созданным им в ссылке, была повесть «Дядюшкин сон», опубликованная в журнале «Русское слово» в марте 1859 года. Она создавалась урывками, параллельно с «Записками из Мертвого дома». В письме А.Н. Майкову от 18 января 1856 года автор признавался: «я шутя начал комедию», «я пишу комический роман, но до сих пор все писал отдельные приключения, написал довольно, теперь все сшиваю в целое» (28-1; 209).

В отношении локальной привязанности текста повести в достоевистике сформировались два точки зрения. Согласно первой, «Дядюшкин сон» – произведение о жизни русской провинции в целом, без возможности узнавания деталей конкретной местности (В.А. Туниманов, В.Г. Одинокоев, В.И. Габдуллина, С.А. Кибальник): «номинация “сибирские повести” Достоевского по отношению к произведениям, написанным Достоевским в ссылке (“Дядюшкин сон” и “Село Степанчиково и его обитатели”), условна и обычно маркирует их по времени и месту создания, а не с точки зрения содержащегося в них метатекста, как это происходит с “петербургскими повестями” писателя. Действительно, события в этих произведениях разворачиваются не в сибирском топосе» [Габдуллина, 2016, с. 101]. Странники второй точки зрения (В.Г. Одинокоев, Н.И. Левченко, В.О. Старьгина) настаивают на

¹ См. также: [Сафронова, 2015, 2017, 2018].

исключительно семипалатинских источниках творческой рефлексии автора: «повесть “Дядюшкин сон” создана на основе семипалатинских впечатлений писателя» [Одинокое, 1980, с. 17]; «в основу повести легли личные впечатления писателя и его наблюдения над провинциальным бытом Семипалатинска» [Старыгина, 2013, с. 24].

С подобными утверждениями можно согласиться лишь отчасти. С одной стороны, без сомнения, в повести «Дядюшкин сон» есть универсальные детали, приложимые к любой провинциальной местности: узкие деревянные тротуары, домишки городской окраины, липкий снег и т.д. С другой стороны, творческая лаборатория писателя не исчерпывается семипалатинскими впечатлениями, а опирается на весь сибирский опыт, который под пером Достоевского существенно трансформируется. Поэтому для создания грамотного историко-культурного комментария повести необходим беспристрастный анализ, опирающийся на весь сохранившийся корпус архивных документов и мемуарных и эпистолярных свидетельств. Проникнув в творческую лабораторию писателя, возможно разгадать «ребус» Достоевского и вычленив «барнаульский текст» этой сибирской повести¹.

Подзаголовок повести «Из Мордасовских летописей» маркирует иронические снижение документальности как таковой и значительности описываемых событий, задавая иронический тон произведению в целом. Номинация город Мордасов в достоевистике объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, связью с литературным претекстом – повестью В.А. Соллогуба «Гарантас», в которой фигурирует село Мордасы (2; 515). Во-вторых, биографическим контекстом: детские воспоминания автора о своей крестной П.Т. Козловской, имение которой находилось на речке Мардас Костромской губернии [Альтман, 1975, с. 32-35]. В-третьих, интересом Достоевского к народной речевой стихии, для которой характерно слово «мордасы», образованное от лексемы «морда» (рожа, рыло) и вошедшее ключевым элементом в распространенное поговорочное выражение «“съездить по мордасам” или в город Мордасы» [Даль, 1955, Т. 2, с. 346]. В нашей статье² дается еще одно возможное толкование топонима Мордасов. Во второй приезд писателя в Барнаул в ноябре 1856 года во время обеда у начальника горных заводов А.Р. Гернгросса с Достоевским произошел казус. «За столом я сделал маленькую неловкость: сын их, мальчик лет 8, мне

¹ Тезисы настоящей статьи впервые были представлены на открытой лекции автора «Достоевский в Барнауле» в Алтайском государственном университете 2 апреля 2016 года.

² Подробнее см. статью: Сафронова Е.Ю. К вопросу о городе Мордасове: А.Н. Гернгросс и Ф.М. Достоевский (архивные разыскания). [Электронный ресурс]. URL: http://www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2018/03/Safronova_2018_1.pdf

очень понравился; он ужасно похож на мать. Я это сказал. Она возразила, что нет сходства. Я начал подробно разбирать это сходство. Представьте же себе: этого мальчика, как я после узнал, они считают в семействе чуть не уродом! Хорош мой комплимент!» (28-1; 252), – делился автор «Дядюшкина сна» с другом А.Е. Врангелем в письме от 21 декабря 1856 года. Воспоминание об этом «комплименте» «чадолюбивой» Екатерине Иосифовне, которой не нравилось лицо родного сына, позволяют предполагать, что в образе города Мордасова из повести «Дядюшкин сон» отразились впечатления о Барнауле.

Перифразом из письма Ф.М. Достоевского А.Е. Врангелю выглядит фраза из текста повести, обращенная князем К. к Москалевой в эпизоде чаепития, когда он принимает слугу-казачка за родного сына хозяйки:

«– Чаю, князь, – говорит Марья Александровна, привлекая внимание князя на казачка, стоящего перед ним с подносом в руках. Князь берет чашку и засматривается на *мальчика, у которого пухленькие и розовые щечки.*

– А-а-а, это *ваш мальчик?* – говорит он. – *Какой хо-ро-шенький мальчик!.. и-и-и, верно, хо-ро-шо... ведет себя?»* (курсив наш – Е.С.) (2; 312).

Писатель использует минус-прием, опуская названия сибирского города и имя мальчика. Почему? Сибирский провинциальный городок имеет условное название – Мордасов, указывающее на то, что его обитатели имеют не лица, а морды. Ироническое отношение к матери, которой не нравится лицо родного сына, по нашему мнению, и заставило писателя назвать город из повести «Дядюшкин сон» Мордасовым. В указанной статье нами высказано предположение о прототипе образа мальчика – Родион Андреевич Гернгросс (1848-1910).

Достоевский использует минус-прием, опуская названия сибирских и испанских городов, словно проверяя эрудицию своих читателей. По этому же принципу в повести зашифрованы испанские города Гранада (назван архитектурный символ – Альгамбра) и Севилья (река Гвадалквивир).

Пытаясь поразить воображение дочери и убедить ее выйти замуж на старого князя, Марья Александровна называет Гвадалквивир – непривычную для русского слуха реку, сравнивая ее по контрасту со «здешней скверной речонкой с неприличным названием» (2; 324). Звучность и экзотичность фонетической оболочки гидронима, получившего название в арабское время «большая река», подчеркнута на фоне умалчивания названия местной речки. Гвадалквивир – довольно крупная, пятая по протяженности река в юго-восточной части Испании,

на которой расположен город Севилья. Под перифразом «здесьняя скверная речонка с неприличным названием» Достоевский, возможно, мог иметь в виду речку Барнаулку, давшую название городу. Кстати на карте 1856 года она так и названа: речка Барнаулка. Это правый приток Оби, русло которого находится рядом с Сенной площадью, где останавливался ссыльный писатель во время второго и третьего приезда в город. Существуют две версии происхождения гидронима и впоследствии топонима. Согласно первой, (исходной формой является *Бороноул*) название состоит из двух тюрских слов: боро – волк, а ул – река. Такая этимология перекликается с «животной» метафорой Мордасова. Возможно, так Достоевский намекает на поговорку «волки в овечьей шкуре», характеризуя жителей города, под гостеприимством которых скрывается желание «облапошить» князя женитьбой. По второй версии историка А.П. Уманского, название связано с телеутскими корнями *Бороны-ул*, что означает серая или мутная вода. И скорее всего, Достоевский мог иметь в виду именно эту версию. Тем более что она могла быть актуализирована и обстоятельствами пребывания писателя в городе. Согласно архивным данным, именно летом 1856 года в первый приезд Достоевского резко поднялся уровень воды, а цвет ее стал молочно-белым. Ниже Барнаула обнаружено большое количество уснувших осетров, стерляди и другой рыбы. Живая рыба «перекочевала» на отмельные места [Барнаул. Летопись города, 2007, с. 39]¹.

В письме А.Е. Врангелю от 21 декабря 1856 года при описании Барнаула Достоевский как бы мимоходом делает следующее наблюдение: «со многими познакомился; *хлопотливый* город, и сколько в нем сплетен и доморощенных Талейранов!²» (28-1; 252). В повести «Дядюшкин сон» видим дословную, но более развернутую характеристику Мордасова. Матримониальные хлопоты являются сюжетообразующими: «Марья Александровна погрузилась в свои размышления. Нечего сказать: они были *хлопотливы* (2; 334) (курсив наш – Е.С.). Описывая «первую даму города» Достоевский говорит о ее умении «себя держать так, что, глядя на нее, в голову не придет, чтоб эта

¹ На наш взгляд, авторскому определению «скверная речонка с неприличным названием» из всех сибирских рек более всего отвечает именно Барнаулка. Иртыш, протекающий в Семипалатинске и Омске, – большая, полноводная река. Возле Кузнецка протекает река Кондома, в переводе с шорского языка означает «извилистая река». А другая маленькая речка Барнаула, Пивоварка исторически имела другое название – Пранка. Более того, река была названа в честь инженера М.Б. Пранга, который на ее левом берегу в 1864 году открыл первый в России содовый завод: <http://altfishing-club.ru/blog/138/entry-747-rechalnaia-reka/>.

² Шарль Морис де Талейран – французский политик и дипломат, чье имя стало нарицательным и используется для обозначения хитрости, ловкости и беспринципности.

сановитая дама была первая сплетница в мире или по крайней мере в Мордасове» (2; 296). Ее окружение аналогично, вокруг только «жадные, низкие и коварные людешки» (2; 307). Софья Петровна Фарпухина автором представлена как «ходячая газета», «зловещая и мстительная сплетница» (2; 329). Оправдывая Наталью Дмитриевну, Москалева замечает, что «она сплетница, – но это здешняя привычка; кто здесь не сплетничает» (2; 310).

Кроме того, Марья Александровна, провинциальная «львица» и виртуоз интриги, сравнивается даже не с Талейраном, а с самим Наполеоном: «Марью Александровну сравнивали даже, в некотором отношении, с Наполеоном. Разумеется, это делали в шутку ее враги, более для карикатуры, чем для истины» (2; 297). В противоположность французскому императору наша героиня всегда останется «первой дамой», поскольку у нее никогда «не закружится голова от собственной высоты» и она не вспомнит «свое настоящее место». Поглощенная идеей «выгодного брака» дочери, она чувствует себя достойной столичных городов: «я сама буду княгиня: меня и в Петербурге узнают. Прощай, городишка!» (2; 334). В этом смысле фамилия Москалева, возможно, отражает желание обыграть столичные претензии героини, которое в финале повести оказываются реализованными: в Москве Зина выходит замуж как «чрезвычайно богатая девица из знатного дома» (2; 397) за генерал-губернатора «отдаленного края». Обратим внимание на такое совпадение: главная деловая улица Барнаула середины XIX века называлась Московский переулок, в 1900 году переименована в Московский проспект, с 1924 года по настоящее время – проспект Ленина. В повести упомянута и еще одна деталь: дом Марьи Александровны расположен на Большой улице. В этой номинации годонима мы усматриваем кузнецкий знак: аналогично называлась улица Кузнецка, но в то же время в Барнауле была улица Большая Тобольская.

На еще одну примету столицы горнозаводской промышленности указывает такая подробность, как бывшая служба мужа Москалевой: «Афанасий Матвеевич лишился своего места за неспособностью и слабоумием, возбудив гнев приехавшего ревизора», ранее «служил и получал жалование и <...> другие доходы» (2; 297).

Здесь, вероятно, автор намекает на известные местным жителям подробности. История Барнаула началась с Колывано-Воскресенских заводов, построенных уральским промышленником Акинфием Демидовым, который в устье реки Барнаулки основал медеплавильный завод. В тайне от императорской фамилии вместо меди Демидов стал выплавлять серебро и золото, из которых чеканил монеты на Урале. В 1745 году в Барнаул была прислана ревизская проверка и заводы

перешли в собственность императорской фамилии. Барнаул получил статус горного города – центра горнозаводского района и стал подчиняться напрямую Петербургу. В первой половине XIX века на Алтае выплавляли 90 процентов российского серебра – по 1000 пудов в год, поэтому горные начальники кроме жалованья имели и другие виды дохода, в том числе крупные взятки. П.П. Семенов в книге «Путешествие в Тянь-Шань в 1856-57 гг.» отмечал: «удручающее впечатление производило на меня только то, что все это интеллигентное, культурное общество (принадлежавшее, за исключением двух-трех золотопромышленников, к алтайской горной администрации) жило выше средств, доставляемых ему крайне скудным казенным жалованьем, и, очевидно, пользовалось сверх него доходами, законом не установленными и получаемыми самовольно с крепостного населения Алтайского горного округа» [Семенов-Тянь-Шанский, 1946, с. 126.]. Известно, что Ф.М. Достоевский занял на свадьбу 600 рублей серебром у своего знакомого полковника корпуса горных инженеров, горного ревизора Семипалатинской области Н.Н. Ковригина, в ведении которого находились золотые промыслы. А.Е. Врангель о нем вспоминал: «доходы свои имел, как и все в то время в Сибири, и это считалось чуть ли не нормальным, как будто иначе быть не могло» [Ковригин, URL].

Более завуалированно о склонности алтайских чиновников к коррупции Достоевский скажет в «Записках из Мертвого дома», где «создается наиболее обобщенный и не лишенный иронии образ Сибири и “сибирского жителя”. Говоря о чиновниках в Сибири, которым “несмотря на холод, служить чрезвычайно легко”, Ф.М. Достоевский, вслед за Гоголем, пытается дать их классификацию», – пишет О.Г. Левашова [Левашова, 1995]. Если Н.В. Гоголь делит чиновников на «толстых» и «тонких», то Ф.М. Достоевский – на «умеющих разрешить загадку жизни» и «не умеющих». Те чиновники, кто умеет разрешить загадку жизни, «почти всегда остаются в Сибири и с наслаждением в ней укореняются». Другие – легкомысленные – «скоро наскучают Сибирью и с тоской себя спрашивают: зачем они в нее заехали?» [Левашова, 1995, с. 384-385].

Кроме того, особенности образной системы повести отсылают к реалиям горнозаводского дела на Алтае. Так Москалева благодарит Мозглякова, что его Бог надумил привести его именно к ней, ведь другие «бросились бы на него, как на рудник, как на россыпь...» (2; 307). В тексте повести также нашла отражение черная легенда о г. Барнауле, который проклял его основатель Акинфий Демидов. Сибирский топос получает усиленную негативную оценку по принципу восходящей градации: «отвратительный городишка», «проклятый

город», полный ненависти, тщеславия, «гадких интриг» (2; 385), зависти, сплетен, «смрад», связанный с лиминальным состоянием болезни и смерти, словно дублируя характеристику Петербурга как города-ада.

В повести «Дядюшкин сон» «замаскированы» очень личные впечатления Достоевского о Барнауле и о событиях, с ним связанных. По мысли В.А. Туниманова, фигура хроникера-рассказчика была большим открытием Достоевского: «летописец – фигура условная: им рассказана всего одна, хотя весьма примечательная, история (скандальная хроника) и он не обладает самым необходимым качеством летописца – объективностью, беспристрастностью» [Туниманов, 1980, с. 16]. Он тонкий и проницательный наблюдатель, самый незаинтересованный (лично) во всем городе и происходящих событиях человек, умеющий дать им верную оценку. «Есть основания предполагать, что летописец бежал из Мордасова» [Туниманов, 1980, с. 16]. При внимательном прочтении повести оказывается, что в качестве второстепенных персонажей в ней упоминается сам автор и приютивший его в Барнауле друг Петр Петрович Семенов (тогда еще не Тянь-Шанский). «Один заезжий литератор посвятил ей свою повесть, которую и читал у ней на вечере, что произвело чрезвычайно приятный эффект» (2; 296). По воспоминаниям П.П. Семенова, Достоевский читал ему в Барнауле «Записки из Мертвого дома» [Семенов-Тянь-Шанский, 1990, с. 310]. Поскольку в Барнауле в помещении Алтайского горного собрания существовала традиция устраивать вечера, балы и обеды, сопровождающиеся литературным чтением, можно допустить, что ссыльный писатель порадовал публику чтением¹. Рядом с образом заезжего литератора Достоевский поместил и травестийно сниженную карикатуру на П.П. Семенова: «один немецкий ученый, нарочно приезжавший из Карльсруэ исследовать *особенный род червячка с рожками*, который водится в нашей губернии, и написавший об этом червячке четыре тома in quarto, [*в одну четверть листа (лат.)*] так был обворожен приемом и любезностью Марьи Александровны, что до сих пор ведет с ней почтительную и нравственную переписку из самого Карльсруэ» (2; 296). Едкая пародия на научную деятельность друга тем не менее точно воспроизводит некоторые детали его биографии: Петр Петрович Семенов был магистром ботаники, в 1853-54 годах предпринял поездку в Германию для всесторонней научной подготовки, собрал крупнейшую в мире коллекцию насекомых, содержащую свыше

¹ Примерно в этот период, по воспоминаниям Б.Г. Герасимова, в Семипалатинске Достоевский, «шагая по комнате, с большим воодушевлением читал отрывки из задуманной им повести “Дядюшкин сон”» [Герасимов, URL].

700 000 жуков, которая сейчас хранится в Зоологическом музее РАН¹. Любопытен и объект изучения немецкого ученого – «особенный род червячка с рожками». За этой метафорой «прячутся» обитатели Мордасова. Объект исследования ученого-биолога, летописца-повествователя и рядового жителя пародийно сближаются: «всякий провинциал живет как будто под стеклянным колпаком. Нет решительно никакой возможности хоть что-нибудь скрыть от своих почтенных сограждан. Вас знают наизусть, знают даже то, чего вы сами про себя не знаете. Провинциал уже по натуре своей, кажется, должен бы быть психологом и сердцеведом. Вот почему я иногда искренно удивлялся, весьма часто встречая в провинции вместо психологов и сердцеvedов чрезвычайно много ослов. Но это в сторону; это мысль лишняя» (2; 336).

Обратим внимание на «особенный род червячка с рожками, который водится в нашей губернии», ставший предметом изучения ученого. Возможно, Достоевский так обыграл известную ему со слов П.П. Семенова популярную городскую байку. Архивные источники подтверждают, что в 1842 году енисейский земской управитель представлял в Алтайское горное правление червей, появившихся в бийской волости на полях в земле глубиною на один вершок и причинявших вред озимым хлебам и травам путем «подъедания» корней растений. В Государственном архиве Алтайского края сохранилась переписка Кабинета с доктором господином статским советником и кавалером Ф.В. Геблером о необходимости описания, сохранения и предоставления в «надлежащей укупорке» червей через господина Томского губернатора в Санкт-Петербург Министру внутренних дел².

На Барнаул как источник творческой лаборатории Достоевского указывает еще один эпизод, который подтверждается архивными источниками:

¹ Учитывая, что любой образ имеет полигенетическую природу и отсылает не к одному, а сразу нескольким прототипам, необходимо заметить, что, скорее всего, в образе безымянного биолога могли отразиться и черты Александра фон Гумбольта, который вместе со своими спутниками Розе и Эренбергом в 1829 году предпринял путешествие в Россию с научной целью. 21 июля 1829 года он прибыл в Барнаул, по его словам, «один из красивейших городов Западной Сибири» [Александр фон Гумбольдт..., URL]. Александр фон Гумбольдт прославился в составе экспедиции в Южную Америку в 1804 году, где обнаружили 60 000 растений, их которых 6300 – ранее неизвестных видов [Alexander von Humboldt, URL]. Большая часть его обширного научного наследия 34 тома – книги in folio (лат – в целый лист, то есть самый большой формат книги), в которых рисунки раскрашивались вручную в каждом экземпляре. В России А. Гумбольдт собрал множество геологических, географических и биологических знаний.

² ГААК, дело 6472, Л. 142-144.

«– Нет, князь, у нас не было холеры, – говорит Марья Александровна.

– Здесь был **скотский падеж**, дядюшка! – вставляет Мозгляков, желая отличиться» (2; 311).

Согласно делу ГААК № 6931 с 20 по 24 марта 1856 года, то есть за два месяца до приезда писателя в Барнаул, действительно был скотский падеж. Об этом свидетельствует переписка за апрель-май 1856 года фельдшера урядника Петра Максимовича Климова с исправляющим должность инспектора Алтайских госпиталей господином старшим лекарем и надворным советником и кавалером Иваном Антиповичем Преображенским, в которой подробно описаны обстоятельства гибели с перечислением кличек и описанием 10 казенных и частных лошадей Егорьевского золотого промысла с прилегающими к нему Елизаветинским и Салаирским приисками¹. Эти факты свидетельствуют о более близком, чем ранее считалось, знакомстве Достоевского с барнаульскими новостями.

О доли автопсихологизма можно также говорить и в следующих деталях. Князь К., отрекаясь от факта сватовства, полагает лучшим для себя выходом поездку за границу, в Испанию, где он может вступить в масонскую ложу. Так на периферии сюжета («Я, действительно, в старину, к одной масонской ложе за границей при-над-лежал» (2; 375), – признается герой) возникает мотив выбора жизненного пути, как альтернатива воспринимаются заключение брака и вступление в масонскую ложу. Выбор, стоящий перед героем, Достоевским был решен иначе – необходимостью заключения брака с М.Д. Исаевой, но само упоминание о масонской ложе может быть рассмотрено как еще один барнаульский знак. По устному свидетельству городских старожилов, масоны собирались в подвале одного из зданий, окаймлявших Демидовскую площадь, то есть находились в непосредственной близости от места барнаульского пребывания писателя.

Кроме того, в травестированном виде сюжетные события перекликаются с биографией Достоевского, который во время написания был занят устройством своих брачных дел. Еще в начале работы над произведением автор признавался А.Н. Майкову: «Этот герой мне несколько сродни» (письмо от 18 января 1856 года, 28-2; 209).

По воспоминаниям А.Е. Врангеля [Врангель, 1990. Т. 1, с. 351] и А.Г. Достоевской, в домашней обстановке писатель иногда любил – в шутку, из веселого озорства – пользоваться речевыми манерами и

¹ ГААК, дело 6931, Л. 4726/2820, 665, 681.

жестами князя К. Вторая жена писателя указывала на субъективно-авторский момент в образе Дядюшки: «Я бывала очень недовольна, когда Федор Михайлович принимал на себя роль “молодящегося старичка”. Он мог целыми часами говорить словами и мыслями своего героя, старого князя, из “Дядюшкиного сна”. Высказывал он чрезвычайно оригинальные и неожиданные мысли, говорил весело и талантливо, но меня эти рассказы в тоне молодящегося, но никуда не годного старичка всегда коробили, и я переводила разговор на что-либо другое» [Достоевская, 1981, с. 100].

Вероятно, некоторые черты князя К. действительно, импонировали писателю, который также ощущал себя после каторги стариком, в котором вспыхнула «запоздалая» любовь к М.Д. Исаевой. Есть основания полагать, что в «Дядюшкином сне» трагически обыграна история женитьбы автора. «В чисто литературном ключе комедийность “Сна” можно рассматривать как пародию на трагедию личной судьбы Достоевского», «в идейно-эстетическом плане комедия есть преодоление трагедии» [Одинокое, 1980, с. 19]. Ту же мысль высказывал и В.А. Туниманов: за спиной летописца стоит Достоевский, «ищущий новые формы повествования, адекватные сибирскому трагическому опыту, и как бы по контрасту избирающий необычный и не слишком подходящий жанр комической повести» [Туниманов, 1980, с. 21].

Невеста Достоевского М.Д. Исаева, оказавшись в непростой ситуации в одиночестве и с ребенком на руках, в одном из ее кузнецких писем делится с Ф.М. Достоевским своими сомнениями: «Что если б нашелся человек пожилой, с добрыми качествами <...> обеспеченный, и если б этот человек бы делал ей предложение, что ей ответить (28-1; 212). Впервые эта биографическая параллель с матримониальным сюжетом повести отмечена В.А. Викторovichем [Викторovich, 2016, с. 227]. Добавим, что личный биографический опыт органично соединяется с барнаульскими впечатлениями. Так, Люси Шеррард Аткинсон (девичья фамилия – Финли), супруга английского художника и путешественника Т.У. Аткинсона, в мемуарах «Воспоминания о татарских степях» делилась со своей корреспонденткой слухами и сплетнями о свадьбах в Барнауле в 1852 году: «Следующая пара состоит из молодой особы двадцати двух лет и семидесятилетнего жениха. Единственное, что будет сказано в пользу последнего брака – он служит предлогом, чтобы отклонить некоторые приглашения и визиты. Прошлой зимой, когда мы жили здесь, старец предавался музе Терпсихоре в компании двух

молодых особ: его будущей жены и семнадцатилетней юной леди» [Аткинсон, 2013, с. 143].

Автобиографические штрихи узнаваемы в некоторых подробностях, хотя Ф.М. Достоевский и пытался их скрыть.

«– Нет, князь, – перебивает Марья Александровна, – клянусь, вы погубите себя такой жизнью! Затвориться на пять лет в уединение, никого не видеть, ничего не слышать! Но вы погибший человек, князь! Кого хотите спросите из тех, кто вам предан, и вам всякий скажет, что вы – погибший человек!

– Неужели? – восклицает князь.

– Уверю вас; я говорю вам как друг, как сестра ваша! Я говорю вам потому, что вы мне дороги, потому что память о прошлом для меня священна! Какая выгода была бы мне лицемерить? Нет, вам нужно до основания изменить вашу жизнь, – иначе вы заболете, вы истощите себя, вы умрете...

– Ах, боже мой! Неужели так скоро умру! – восклицает испуганный князь. – И представьте себе, вы угадали: меня чрезвычайно мучит геморрой, особенно с некоторого времени... И когда у меня бывают припадки, то вообще у-ди-вительные при этом симптомы (я вам подробнейшим образом их опишу)...» (2; 314).

В приведенном фрагменте очевиден намек на вынужденное затворничество князя К., ассоциативно связывающееся со ссылкой писателя-петрашевца, который порой чувствовал себя «мертвецом» и также, как и князь, ощутил возрождение под воздействием любви: «Я только теперь начинаю жить... Я хочу, чтоб сейчас же, сию минуту была свадьба» (2; 346). Более того, князь обещает описать припадки «с у-ди-вительными симптомами» и геморрой, в которых угадываются болезни автора. Очевидна параллель со странной нервной болезнью Ф.М. Достоевского, начавшейся еще в Петербурге, но верно диагностированной именно в Барнауле¹.

Эпилептический припадок у Достоевского произошел после венчания ориентировочно 15 февраля 1857 года и писателю пришлось «лишних 4 дня» (28-1, 270) прожить Барнауле в тяжелом физическом и нравственном состоянии. Князь К. также проводит в Мордасове 4 дня, которые заканчиваются его смертью в гостинице от «нравственного потрясения» (2; 395).

¹ См. подробнее в нашей статье, в которой выявлено имя квалифицированного врача, верно диагностировавшего эпилепсию Достоевского: Сафронова Е.Ю. Архивные разыскания о барнаульском докторе Ф.М. Достоевского. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2017/10/Safronova_2017_3.pdf.

Сатирически обыграны и преломлены также некоторые другие биографические подробности отношений Ф.М. Достоевского с М.Д. Исаевой. Так, например, старый князь рассказывает следующую историю: «я чуть-чуть не женился на одной виконтессе, француженке. Я тогда был чрезвычайно влюблен и хотел посвятить ей всю свою жизнь. Но, впрочем, женился не я, а другой. И какой странный случай: отлучился всего на два часа, а другой и восторжествовал, один немецкий барон; он еще потом некоторое время в сумасшедшем доме сидел» (2; 315). В этом фрагменте угадываются происхождение Марьи Дмитриевны Констант, бывшей по деду француженкой, и страдания писателя, у которого в разлуке появился счастливый соперник. К слову сказать, любовь Зины к бедному «учителишке», оказавшемуся «слабым сердцем», завершается смертью от чахотки. Это тоже литературная «мсть» Достоевскому Н. Вергунову, который был учителем рисования.

«В “Дядюшкином сне”, задумывавшемся как драматическое произведение, воскрешение мужского начала через любовь оформляется при помощи построения сюжета по законам трагедии и комедии одновременно. Трагедия, организующая сюжет Зины и бедного уездного учителя, существует как «длющееся прошлое» текста: оставаясь в основном в пересказе, она, на самом деле, предопределяет поступки и поведение героев в настоящем; комедия же оформляет сюжетную линию Князь – Зина и может быть названа “выгодная женитьба”, режиссером которой является Мария Александровна, мать героини. Несводимость героев только к трагическому или комическому обусловила подмену Васи князем К. для Зины: выходя замуж за князя, то есть “спасая его от смерти”, героиня пытается воскресить своего возлюбленного. Однако в мире комедии реинкарнации не происходит – логика сна переворачивает традиционные представления: свадьба оборачивается в своего двойника – похороны как воскрешение в воспоминании» [Фазиулина, 2005, с. 21-22].

Так ни Мордасов для Дядюшки, ни Барнаул для Достоевского не стали городом духовного возрождения.

Наконец еще один весомый аргумент – это существование в Барнауле с 1776 года публичного светского театра. По словам историка театра И.Н. Свободной, театр был «главной эстетической привязанностью общества» [Свободная, 2003а, с. 4]. Любительский театр горных офицеров в середине XIX века находился в самом расцвете. По замечанию корреспондента томской газеты «Сибирский вестник», «иные здешние господа жили и веселились чуть ли не по-

столичному» [цит. по: Свободная, 2003б, с. 6]. Труппа состояла из горных офицеров, посвящавших свой досуг театральному искусству. Многочисленные командировки чиновников в столицы позволяли привозить новинки репертуара, заметное место в котором занимали комедии, драмы, сцены из городской жизни, картины с натуры, мелодрамы, водевили¹. У театра был свой оркестр, обеспечивающий музыкальное сопровождение спектакля, традиция высокого вокального искусства (театр также называли «Оперным домом»), сложились актерские династии. Ведущими актерами были Николай Андреевич Давидович-Нащинский и братья Сергей Васильевич (1815-?) и Иван Васильевич Самойловы (1821-?) – отпрыски знаменитой актерской семьи².

Еще за год до первого посещения Барнаула весной 1855 года во время поездки со своим другом стряпчим уголовных дел А.Е. Врангелем на Локтевский завод Ф.М. Достоевский познакомился с горным начальником Алтайских заводов Андреем Родионовичем Гернгроссом, управляющим Локтевским сереброплавильным заводом Николаем Эрнстовичем Пишке и братьями Самойловыми. Сергей Васильевич был помощником управляющего, а Иван Васильевич – приставом надворных работ. Далее, пытаясь развеселить страдающего в разлуке с М.Д. Исаевой друга, летом 1855 года А.Е. Врангель предпринимает поездку в г. Змиев, куда на лето перебиралось горное начальство и барнаульский любительский театр.

В первый приезд писателя в Барнаул в письме А.Е. Врангелю от 14 июля 1856 года Достоевский акцентирует, что «с горными я познакомился только с Пишко и Самойловым; хорошие люди;

¹ Справедливости ради нужно заметить, что у Ф.М. Достоевского был также омскокаторжный и семипалатинский «театральный» опыт, соотносимый с понятием «народный театр» и противоположный барнаульской почти профессиональной сцене. Так, в «Записках из Мертвого дома» арестанты представляют сцены «Филатка и Митрошка», «Кедрил, что-то вроде Дон Жуана». В Семипалатинске, по воспоминаниям Б.Г. Герасимова, «иногда солдаты устраивали у себя в казарме "спектакли", на которые собирался местный бомонд – публика рада была всякому развлечению. Солдаты-артисты не особенно разборчивы были в выборе репертуара и, случалось, преподносили такие вещи, что дамы турманом вылетали со «спектакля», а мужчины хохотали до упаду» [Герасимов, URL].

² Оперные артисты Василий Михайлович Самойлова и Софья Васильевна Самойловы «подарили русской сцене первую актерскую династию: 10 своих детей и 4 внуков, каждый из которых вспыхивал звездой на театральном небосклоне Санкт-Петербурга. В истории русского театра особенно прославлено имя Василия Самойлова (кстати, тоже горного инженера по образованию), который 40 лет прослужил на сцене Императорского Александровского театра в Петербурге» [Свободная, 2003а, с. 5].

остальных не застал. С Гернгр<осом> разъехался на дороге» (28-1; 237).

Таким образом, у писателя завязываются дружеские отношения с ведущими актерами барнаульской труппы. По мнению И.Н. Свободной, комедия «Дядюшкин сон», вполне возможно, предназначалась именно для барнаульской сцены. Главную роль в этой комедии мог сыграть именно Сергей Васильевич Самойлов [Свободная, 2003а, с. 6].

П.П. Семенов-Тянь-Шанский, проживший зиму 1856-1857 года в Барнауле, вспоминал: «Зимний сезон был оживлен любительскими спектаклями в прекрасном задании барнаульского театра, многие из членов барнаульского общества выдавались своими замечательными сценическими дарованиями. Совершенно первоклассным комиком был горный инженер, старший брат знаменитого артиста, даже превосходивший своими природным сценическим талантом своего младшего брата...» (на самом деле Самойлов был на два года моложе своего знаменитого брата) [Самойлов..., URL]. «Многие из горных инженеров, постоянно принимая участие в любительских спектаклях, выработали из себя тонких, образованных артистов, между которыми в моей памяти остались горный инженер Самойлов <...>, а в драматических ролях молодой горный инженер Давидович-Нащинский», – вспоминал мемуарист [Свободная, 2003а, с. 5].

«И хотя Ф.М. Достоевский впоследствии изменил свой первоначальный замысел, и переделал начатую им комедию в комическую повесть, “Сибирские Афины” могут гордиться тем, что вдохновили писателя на первую и единственную серьезную попытку написать для театра» [Свободная, 2003а, с. 6]. В связи с этим можно высказать предположение, что замысел и комедийная (театральная) жанровая основа повести Достоевского «Дядюшкин сон» могла быть обусловлена влиянием от знакомства с труппой барнаульского любительского театра, и точнее, с С.В. Самойловым. Безусловно, что увлечение театром у Достоевского возникло еще в юношеские годы, в 1830-40 годах в Санкт-Петербурге, где его кумиром стал Василий Васильевич Самойлов. Поэтому знакомство в Сибири с родными братьями знаменитого артиста возобновило увлечение и способствовало активизации творчества автора в драматургическом направлении. Вероятно, что в семье Самойловых были осведомлены о первоначальном замысле предназначавшейся для барнаульского театра комедии и предполагаемой главной роли в ней С.В. Самойлова. В письме Ф.М. Достоевскому в начале декабря 1879 года знаменитый артист выразил свое глубокое сожаление, что не имел чести сыграть в

его пьесе: «И мне, право, грустно, что в протяжении всей моей сценической деятельности мне не удалось воспроизвести ни одного из Ваших личностей, именно потому, что Вы, обладая таким правдивым талантом, не хотели оставить память о себе на сцене, о чем я очень сожалею, как для публики, так и для себя, который мог бы прибавить одну из лучших ролей своего репертуара...» [цит. по: Свободная, 2003а, с. 6].

В повести очевидны рудименты театрального замысла, некоторые главы откровенно комедийны, нередко в тексте встречаются ремарки. В основе повествования водевильного типа лежит театральная интрига: драматическое действие организует Марья Александровна Москалева, пытаясь выдать замуж дочь Зину. Ярче всего режиссерская роль героини и протест против такого «дирижирования» судьбой проявляется в реплике Зины, готовой выйти из повиновения матери: «если вы еще будете меня мучить и назначать мне разные низкие роли в этой низкой комедии, то я брошу все и покончу разом» (2; 356). Но «далеко не все в “пьесе” Москалевой осуществилось в согласии с “текстом” и репетициями. Москалева вынуждена импровизировать, срочно сочинять и пересочинять сцены, уподобляясь вдохновенному и взыскательному художнику, обязанному, к сожалению, считаться с настроениями публики и актеров» [Туниманов, 1980, с. 17-18]. Она неожиданно столкнулась с конкуренцией и коварством «вышедшей из повиновения марионетки – Мозглякова, которого озлобление подвигло на самостоятельные “творческие” действия: им была сочинена и разыграна другая пьеса, разрушившая “поэтический” замысел Марьи Александровны» [Туниманов, 1980, с. 17-18]. Спектакль из «камерного» становится «народным» и выливается в «скверный анекдот», «невиданный скандал с неожиданной, нелепой и оттого безобразной развязкой» [Туниманов, 1980, с. 17-18]. Так «незлобивый» и «невинный» сюжет из провинциального быта, расцвеченный каскадом *lazzis* – шуток-импровизаций в духе итальянской комедии масок, «наружный, почти бутафорский шутейно-курьезный мир матримониальной игры оказывается на поверку поистине шекспировским театром, где разыгрываются фатальные страсти-мордасти» [Владимирцев, 2008, с. 65].

Кроме общей театральной поэтики сибирской повести, в «Дядюшкином сне» дважды есть и прямое указание на театр как отличительный барнаульский знак. Князь, хлестаковствуя в доме Москалевой, говорит, что «даже для сцены водевиль написал... Там было несколько вос-хи-тительных куплетов! Впрочем его никогда не играли! <...> И знаешь, Зина, вот теперь бы кстати! У нас же

собираются составить театр, – для патриотического пожертвования, князь, в пользу раненых... вот бы ваш водевиль!» (2; 313).

Мотив создания благотворительского театра, сборы от представлений которого пойдут на помощь раненым, отсылает к Крымской войне, тем самым обеспечивая точную временную привязку текста между 1854 и 1856 годами, как отмечается в комментариях к Полному собранию сочинений (2; 516). Жители Мордасова, без приглашения «нагрянувшие» вечером в дом Москалевой, объясняют свой внезапный приход необходимостью обсуждения театральных дел: «ведь надобно же, непременно надобно когда-нибудь кончить все наши сборы с этим театром» (2; 369). На наш взгляд, временную границу создания повести можно еще сузить – это 1856 год, когда Достоевский посещает Барнаул и вынашивает планы переезда в этот город¹.

«Опишите мне подробнейшим образом <...> все эти мелочи, мелочи и составляют, так сказать, настоящий сок! Я ужасно люблю мелочи»,² – вызывает к прибывшему с дядюшкой Павлу Александровичу Мозглякову неугомонная Марья Александровна Москалева, выражая наклонность самого автора («Больше мелких подробностей» (29-1; 271)) [Викторович, 2016, с. 223]. На наш взгляд, именно обилие художественных деталей, подтвержденных архивными документами Алтайского горного округа середины XIX века и мемуарными свидетельствами современников, позволяют говорить о важной роли барнаульских впечатлений в творческой истории произведения. Взятые в совокупности перечисленные доказательства являются аргументированной гипотезой. С большой долей уверенности можно говорить о причастности Барнаула к творческой лаборатории повести и даже более того, осмелиться утверждать, что единственное целиком законченное в Сибири произведение посвящено Барнаулу.

Литература

Александр фон Гумбольдт в Сибири // Экспедиционный центр Красноярского краевого отделения русского географического общества. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec-rgo-sfo.com/lichnosti/304-aleksandr-fon-gumbolt-v-sibiri>.

Альтман М.С. Достоевский: по вехам имен. Саратов, 1975.

¹ РГИА Ф. 777. Оп. 3. 1886. Д. 35. Л. 11. Об. – 12.

² Прогрессивно мыслящие жители Мордасова, живо окликающиеся на злободневные события, в этом смысле противоположны жителям Семипалатинска. Из воспоминаний Б.Г. Герасимова известно, что «даже происходившая в то время крымская война не особенно-то будировала семипалатинцев. Они жили своей жизнью, ничем не реагируя на большие политические события» [Герасимов, URL].

Аткинсон Л. Воспоминания о Татарских степях: Письма из Барнаула. 1848-1853 гг. Барнаул, 2013.

Барнаул. Летопись города: хронология, события, факты. Барнаул, 2007.

Викторович В.А. Казус Мозглякова (Повесть Достоевского «Дялошин сон в литературном и биографическом аспекте») // Острова любви Борфед. СПб., 2016.

Владимирцев В.П. Дялошкин сон // Достоевский: сочинения, письма, документы. СПб., 2008.

Врангель А.Е. Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2-х тт. М., 1990. Т. 1.

Габдуллина В.И. Сибирский текст Достоевского: образ провинции // Культура и текст. 2016. № 3.

Герасимов Б.Г. Достоевский в Семипалатинске. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/gerasimow_b_g/text_1926_dostoevsky_v_semipalatinske.shtml.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 2.

Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 1981.

Кирпотин В.В. В Сибири, по местам Достоевского // Октябрь. 1959. Кн. 4.

Ковригин Николай Никифорович // Достоевский: антология жизни и творчества. [Электронный ресурс]. URL: http://www.fedordostoevsky.ru/around/Kovrigin_N_N.

Левашова О.Г. Достоевский и Алтай // История Алтая. Барнаул. Ч. 1. 1995.

Левченко Н.И. Круг знакомых Ф.М. Достоевского в Семипалатинский период жизни // Материалы и исследования. 1994. Т. 11.

Одинокое В.Г. «Сибирская» повесть Ф.М. Достоевского «Дялошкин сон» (Поэтика жанра) // Развитие повествовательных жанров в литературе Сибири. Новосибирск, 1980.

Печальная река. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.altfishing-club.ru/blog/138/entry-747-pechalnaia-reka>.

Самойлов Сергей Васильевич // Достоевский: антология жизни и творчества [Электронный ресурс]. URL: http://www.fedordostoevsky.ru/around/Samoilov_S_V.

Сафронова Е.Ю. Архивные разыскания о барнаульском докторе Ф.М. Достоевского // Культура и текст. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2017/10/Safronova_2017_3.pdf.

Сафронова Е.Ю. К вопросу о городе Мордасове: А.Н. Гернгросс и Ф.М. Достоевский (архивные разыскания) // Культура и текст. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2018/03/Safronova_2018_1.pdf.

Сафронова Е.Ю. Ф.М. Достоевский: «Желаю в Барнаул», «именно в Барнаул»: к 160-летию первого визита писателя // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4.

Свободная И.Н. Благородный любительский театр горных офицеров (к 175-летию основания любительского театра Алтайского горного округа) // Вестник культуры Алтайского края. Барнаул 2003а. №5 (9).

Свободная И.Н. Благородный любительский театр горных офицеров (к 175-летию основания любительского театра Алтайского горного округа) (продолжение) // Вестник культуры Алтайского края. Барнаул. 2003б. № 2 (10).

Семенов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары. М., 1946. Т. 2.

Семенов-Тянь-Шанский П.П. Из «Мемуаров» // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2-х тт. М., 1990. Т. 1.

Старыгина В.О. «Дядюшкин сон» как комическая повесть // Филологические науки в России и за рубежом. [Электронный ресурс].

URL: <https://www.moluch.ru/conf/phil/archive/106/4459>.

Туниманов В.А. Творчество Достоевского 1854-1862 гг. Л., 1980

Фазиулина И.В. Сон и сновидение в раннем творчестве Ф.М. Достоевского: поэтика и онтология: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2005.

Alexander von Humboldt [Электронный ресурс].

URL: https://www.dieterwunderlich.de/Alexander_Humboldt.htm (нем.)

Список источников

Государственный архив Алтайского края (ГААК) Д. 6472, Л. 142-144. Д. 6931, Л. 4726/2820, 665, 681.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30-и тт. Л., 1972-1990.

ЛИТ